

В мае 2012 года не стало поэта Любы Никоновой, которая своим творчеством, своим присутствием вносила радость Божью в наш кузбасский Союз писателей России.

Потрясённые, ездили мы на похороны в Новокузнецк. Привезли венок от губернатора. Прощание проходило в старом Доме культуры в районе, где жила Люба. Отпел её священник с хором в том же ДК. Кладбище на высокой горе, видна река Томь. Выехали с кладбища, и пошёл дождь. Поминки в школе, где Люба много лет вела детскую литературную студию “Фесковские литераторы”. Думаю, она хотела, чтобы было именно так.

Не стало Любови Алексеевны Никоновой, которая радость Божью вселяла в детей, много лет и строго, и ласково беседуя с ними в нескольких школьных литературных объединениях города. Привозила своих питомцев в Кемерово для встречи в Союзе писателей и приглашала писателей к ним. И всегда была уверена, что делает крайне необходимое для России дело, и делала его до конца своей жизни.

Когда-то Люба Никонова сама после окончания школы в Куйбышевской области приехала в этот город к сестре учиться в пединституте. Здесь ещё студенткой выпустила свою первую книжку стихов “Скрипичный ключ”.

Несколько лет после института работала учителем русского языка и литературы в селе Ваганово, откуда присылала свои стихи в “Огни Кузбасса” — так мы и познакомились.

Вернувшись затем в уже родной по студенчеству Новокузнецк, Любовь Алексеевна работала в музее Ф. М. Достоевского. Конечно же, появлялись её лирические стихи о любви великого писателя и глубоко продуманные статьи о пребывании его в старинном сибирском городе Кузнецке.

В поэзии Люба Никонова всегда свободно говорила на все темы, которые её волновали. В прозе она, сама глубоко верующий человек, размышляла о том, как должен ребёнок воспитываться в Православии. “Вот иду я с бабушкой в монастырь, — вспоминала она. — И всплывает из когда-то прочитанного, как в детстве Ваня Бунин старался понять слова священника”. Много лет, будучи членом редколлегии журнала “Огни Кузбасса, постоянным его автором, она поддерживала “Православные чтения” и раздел “Светлица”.

А когда много лет тому назад я написал в газете “Кузбасс” о том, что её приняли в Союз писателей СССР, то озаглавил свои размышления простыми словами “Мы любим её поэзию”.

Сергей Донбай

ЛЮБОВЬ НИКОНОВА

ЗВУЧИТ ПРОСТРАНСТВО МУЗЫКОЙ ПРОСТОЮ

ПАМЯТИ РУСЛАНОВОЙ

Со светлым сентябрём покинув нас,
не пропоёт она уже ни слова.
Какая ж нас соединяла связь?
Я вспоминаю снова, снова, снова...

Да, это было ясным летним днём.
Земля теряла утреннюю робость.
Из Куйбышевской области пешком
я шла тогда в Саратовскую область.

Курганы, грузно до земли осев,
таили в себе силу — да такую,
что, разрывая губы, шёл напев
и воплощался в липу вековую.

Русланова. Здесь было всё её:
любое поле и любая пташка,
любое средневолжское село:
Владимировка, Марьевка, Лебяжка.

И странница с дорожным узелком,
и деревенский вид родного крова,
и мир, расцветший тыквенным цветком...
Я вспоминаю снова, снова, снова...

1974

* * *

Была бы цыганкой, когда б не Россия, ей-Богу.
Легко находить наугад в бесконечность дорогу,
легко без пожитков, без шумток слоняться по шару,
по шару земному, готовому вечно к пожару.
Легко проходить под изменчивым сводом небесным,
земель не считая, по странам просторным и тесным.

Не ждать ни приветов, ни писем, ни бедной открытки —
и так умереть на ходу иль в убогой кибитке.
Но где зимовать мне, кочевнице? Ясно, в России,
в которой сугробы огромны, огромны и сини.
Но где проводить мне, кочевнице, жаркое лето?
В России оттаявшей, полной прозрачного света.
Что класть в изголовье мне ночью прохладной и тусклой?
Должно быть, поляны с цветами земли этой русской.
Где сном засыпать мне последним, глухим, незнакомым?
В земле этой русской, на кладбище русском зелёном.

1977

* * *

Играет ветер летнею листвою.
Звучит пространство музыкой простою.
Цветет полынь. Её пылью пьянящей
Окутан дух, огонь любви таящий.

Слова ромашек, знаки их и числа
Горят в сиянье солнечного смысла.
И крошечный вьюнок косноязычный
Уже затронут речью поэтической...

И синевою сказочных историй,
Как дымкой тайны, окружён цикорий.
И ароматом цветоносных хроник
Насыщен “утомлённый солнцем” донник.

Так множит кто-то письма растений,
Чтоб был услышан высший добрый гений.
Оправдывая чьи-то упования,
Жизнь создаёт свои повествования.

2004

* * *

Ты грубеешь и духом, и ликом.
Всё мрачнее твоя красота.
Тёмным пламенем чувственно-диким
Напряжённо пылают уста.

Чем в опасных мирах промышляешь?
Что сбываешь, почём и кому?
И зачем от себя отдаляешь
Свет, готовый пролиться сквозь тьму?

Разве этим ты грезила в детстве?
И тобою владеют уже
Только деньги, проклятые деньги,
Что конец положили душе?

2006

БЛАГОДАРНОСТЬ

Холодная весна уныло сухойейна.
Но греешь ты озябшую меня
Своим присутствием, как теплотой портвейна
Иль силой прикровенного огня.

Боюсь сказать, что дружба нерушима.
Зато “спасибо” смело говорю
За шарфик голубой из крепдешина,
За свет, за не вечернюю зарю.

Прощаемся.
Опять одной сражаться
С холодным миром, с вечной суетой...
А хочется с тобою задержаться,
Проникнуться твоею теплотой.

Ты тоже знаешь: всюду — поле битвы.
Позволь же у вокзала, в поздний час,
Тебя коснуться краешком молитвы:
Пусть милость Божья не оставит нас.

2001–2006

* * *

Не могу подтвердить я, что осень — в бреду,
Не могу я сказать, что она — в лихорадке.
Кто болезни в Божественном видит саду,
Бьётся сам зачастую в припадке.

А здоровье души — изливается вширь
Иль восходит в просторные выси,
Где бессмертные силы читают Псалтырь
И плывут абсолютные мысли.

И оттуда приходят дожди и снега
И меняют земное убранство.
Как лампы, в рябинах горят берега.
Свет покровский вступает в пространство.

И проникнуты свежим сознанием миры.
Принимает природа с любовью
Этот пушкинский праздник осенней поры —
Русский холод, полезный здоровью.

2006

* * *

К тебе летят сияющие птицы.
Их обгоняют сказочные ветры.
Меж небом и землёю, на границе,
Цветут, как свечи, золотые вербы.

Вокруг тебя, пронизанные светом,
Сидят зверьки с янтарными глазами.

Они, подобно эльфам и поэтам,
От счастья плачут нежными слезами.

Не помня дней недобрых или мрачных,
Желая петь, ликуя, словно птица,
Войду я в круг существ светопрозрачных
И попрошу немного потесниться.

И, проникаясь светлым приобщеньем,
Твой образ буду созерцать я долго
И жить одним глубоким ощущеньем —
Смиреньем, доведённым до восторга.

2002

* * *

Все кукушкины слёзки,
Все анютины глазки,
Все прекрасные песни,
Все волшебные сказки,
Все легенды небес
И фантазии света
Уместились в одно
Незакатное лето.
Незакатное лето,
Незабвенное лето —
Благосклонность Творца,
Вдохновенье поэта.
И поют существа,
И блистают созданья,
Откликаясь на зов
Мирового сознания...
Но в цветочном раю
Или в чаще зелёной
Всё же что-то болит,
Будто нерв ущемлённый.
Эту тайную боль
Излучают берёзки,
И анютины глазки,
И кукушкины слёзки.

2002